

Когда душу обуревают страсти

СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРЕМЬЕРУ «ПИКОВОЙ ДАМЫ».

Казалось бы, сколько уже читана–перечитана эта великолепная «Пиковая дама», сколько слышана–переслышана в исполнении прекрасных чтецов. А вот, поди ж, всякий раз она «забирает» тебя всего, и ты во власти завораживающего сюжета и чистого, живительного, родникового слова Пушкина. Она манит своей таинственностью, притягивает мистическим магнетизмом... Литературное произведение широко «вошло» и в другие виды искусства: драму, оперу, балет, кинематограф, живопись, графику. В 1960–е годы даже чрезвычайно популярна стала песенка среди так называемых «блатных» бардов, распевавших «Ах, какая драма – Пиковая дама...». И ведь действительно – какая!

Когда я услышал, что Арзамасский театр намерен ставить «Пиковую даму», первый вопрос: что это будет? Моноспектакль? Классическая драма? Мистическая мелодрама? Или... Или что?

На премьере выяснилось: поставили анекдот. То есть занимательный случай с неожиданной концовкой, который произошёл с самим рассказчиком или с кем–то другим. Точно по Пушкину. И, хотя у него нет фигуры рассказчика, чувствуется, что повествование ведётся «от третьего лица» – «всеведущего автора». «Собственно, это не повесть, а анекдот: для повести содержание «Пиковой дамы» слишком исключительно и случайно», – писал критик В. Белинский. Анекдот, который потом вошёл в жизнь. Поэт восторгался: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семёрку и туза».

Между тем в черновых редакциях Пушкин начинал повесть от первого лица. И это, как и «присутствие всеведущего автора», позволили автору инсценировки И. Жуковой, которая, несомненно, прекрасно знает творчество Пушкина, очень точно, верно и грамотно «перевести» повесть на язык драматургии, ввести в спектакль двух дополнительных героев: Как будто Пушкина (А. Кистерёв) и Тайную недоброжелательность (Е. Лупачева). Это они станут с первых минут и до финала нашими проводниками по ходу спектакля. Это они будут руководить всеми действиями героев и направлять их мысли, побуждения, поступки в русло спектакля. Лёгкая, непринуждённая, искромётная игра дуэта завораживает и притягивает;

они влекут и погружают зрителя в самую глубину пушкинской повести; их действия очень динамичны, выражены энергичной мимикой и выразительными жестами; их живая, непринуждённая болтовня (если уместно это слово в данном контексте) помогает зрителю лучше понять характеры героев, понять отношение к ним автора. Словом, образы, созданные этими актёрами, яркие, сочные и запоминающиеся. Именно на них держится вся конструкция спектакля. Именно они, на мой взгляд, стали главными героями в данной постановке «Пиковой дамы».

Наверное, если бы режиссёр–постановщик А. Иванов ставил мистическую драму, «разворот» был бы совсем иной – в сторону старой графини Анны Федотовны. Ведь именно она источник мистицизма, с неё начинается миф о трёх картах, о котором поведал Томский своим друзьям за карточной игрой. Известно, что Пушкин не выдумал этот анекдот, он описал реально произошедший случай с графиней Голицыной и её внуком.

В те времена дворянство было увлечено мистикой, своими наставниками дворяне выбрали не святых отцов, а западных мистиков, и через них они открывали для себя внутренний мир человека. А «Пиковая дама» – это ответ Пушкина дворянству, увлечённому западными идеями, совершенно бесплодными и вредными в духовном отношении. И если бы в основу спектакля театр положил масонство и мистицизм, то, уверен, современный зритель был бы в оторопи, ему многое было просто не понятно – прежде всего, символический и мистический язык. Да и постановка была бы совершенно иная. И он бы в растерянности бежал сломя голову из театра.

Отринув мистический вариант, не пренебрегая опытом режиссёров, прежде ставящих «Пиковую даму», А. Иванов, похоже, рассчитывал на такую инсценировку, в которой психологические наблюдения

выносятся наружу, то есть мы угадываем, что происходит с героями по их поведению, мимике, жестам, и это даёт возможность зрителю открыть для себя знаменитую повесть с совершенно новой стороны, глубже проникнуть в смысл литературного произведения.

Графиня нам сегодня интересна только тем, что это осколок екатерининского времени. В молодости она была хороша собой и была в моде, за «московской Венерой» волочился весь Париж; она водила дружбу с Ришелье, герцогом Орлеанским и Сен–Жерменом, из–за неё даже стрелялись (ну, или пытались); была столь азартна в картах, что проигрывала, не задумываясь, бешеные деньги. Парижский сюжет интересно обыгран в спектакле: графиня в молодости (Е. Сизова) появляется в нижнем белье – вот и думай, то ли всё спустила до нитки, то ли... Ну вы, думаю, понимаете, о чём это я.

Теперь перед нами разбитая жизнью старуха, от былой красоты которой не осталось и следа, по привычке таскающаяся по балам, и до которой уже никому нет дела. Конец её жизни связан с чарами карт. Неожиданное ночное появление Германна её пугает, она пытается переубедить его, что рассказ про три карты – небылица, шутка. И невдомёк ей, что появившийся в руках её ночного гостя револьвер, – это тоже шутка, ведь он не заряжен. Но именно эта его шутка и сыграла роковую шутку в жизни графини.

В спектакле Анну Федотовну представляют И. Алисова и Т. Гордиенко. Не отходя от установок режиссёра, они, каждая по–своему, изображают графиню остро сатирически, я бы даже сказал гротесково, с внутренним «изломом», и всё, что они ни делают на сцене, словно кричит, выражая сущность и самой старухи, и вызывает... Вот только к чему? К безвозвратно ушедшему прошлому?... Резкие перемены в настроении, перемены в лице, старческая капризность и старческий маразм – все эти нюансы каждая из актрис передаёт своими красками, отчего крайне загадочный образ Анны Федотовны в целом не страдает.

Наверное, театр мог нам представить прочтение повести, как историю страстной роковой люб-

ви. И тогда бы на первый план вышли Германн и Лизавета Ивановна. При этом А. Денисову и Е. Заторской пришлось бы совершенно по–иному показывать своих героев, так сказать, вдохнуть в их отношения больше страсти и интимности. А так как эта «карта» не разыгрывается, то поведение их по отношению друг к другу более чем сдержанные. И всё же...

На мой взгляд, даже в предложенном нам варианте отношения их могли бы быть более трепетными. Я ещё могу понять Германна – он имеет тайную страсть к игре, ему кажется, что он ухватил свою судьбу за бороду, что волею фортуны может быстро разбогатеть. И

линский). И молодёжь не подвела: А. Чудаков (юный дедушка), Д. Согонова (княжна Полина).

Спектакль похож на пружину, которая всё закручивается, закручивается – чему способствует прекрасное музыкальное оформление (И. Гуревич) с использованием произведений С. Рахманинова, А. Вивальди, других композиторов, красивые танцы (балетмейстер–постановщик А. Копытинская), метафорическое видео–оформление (М. Сахаров) – и к финалу зритель, только успевая следить за изгибами сюжета, понимает: вот сейчас пружина оборвётся, и вся выстраиваемая «конструкция» спектакля стремительно и безостановочно полетит к чёрту, в татарары. Но произойдёт это не тогда, когда умрёт графиня, и не тогда, когда Германн окажется в Обуховской больнице, а тогда, когда зазвучат пушкинские «Бесы».

Так что мистическое всё же присутствует в спектакле. И если бы его не было, то это противоречило бы сюжету повести. Правда, входит в ткань постановки как–то ненавязчиво, столь тонко, что мы ощущаем мистическое на уровне подсознания – оно словно витает над сценой, чувствуется в самой атмосфере зрительного зала.

Угадывается мистическое и в оформлении сценического пространства, которое всё наполнено символами (художник–постановщик Н. Чернышёв). Казалось бы, пустая сцена, несколько стульев, горящие свечи, возле них пустые бутылки. Вместо задника – протянутые по диагоналям широкие ленты, которые в зависимости от мизансцен то вспыхивают кроваво–красным, то голубым, то зелёным, то фиолетовым цветом (световое оформление П. Пятунин). А, как известно, в мистике каждый цвет имеет своё значение, оказывает своё влияние на психику людей. С левой стороны сцены – часы с надписью: «А.С. Пушкин». И это тоже символично. Ещё в древнем Египте считалось: то, что слева – это чёрная магия. И ведь что примечательно – часы идут. Они будут идти и тогда, когда закроется занавес, когда, кажется, уже всё–всё сказано...

Кому же они отсчитывают время?..

Вячеслав ПАНКРАТОВ.
Фото Игоря Никитина.

